

## **«РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И НАСЛЕДИЕ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА**

Рассматривается цивилизационная проблематика российской истории и нашего времени. Существенное внимание уделяется концепту «русская цивилизация» и его интерпретации в общественной мысли. Показывается осмысление данной тематики в работах К. Н. Леонтьева.

**Ключевые слова:** Леонтьев, «русская цивилизация», русская история.

Civilization problems of Russian history and modern time are studied in the article. The author pays special attention to the concept “Russian civilization” and its interpretation in public opinion. The understanding of these problems in the works by K. N. Leontyev is showed in the article

**Key words:** Leontyev, «Russian civilization», Russian history.

В современной России термин «русская цивилизация» утвердился как весьма убедительный и доказательный не только в общественно-политической публицистике, но зачастую и в научных исследованиях. Вопрос в том, имеет ли

он под собой какое-то серьезное обоснование. Да и вообще: есть ли смысл настаивать на существовании некой особой самобытной «русской цивилизации»? Была ли таковая в прошлом?

Разумеется, нас в данном случае занимает не политико-прикладное использование данного концепта в нынешней общественной жизни и конкретной политической борьбе. Здесь случаются весьма курьезные явления, вроде попыток нынешних российских коммунистов выставить себя в качестве защитников «русской цивилизации» [10].

Для нас интересно даже не то, почему концепт «русская цивилизация» стал столь востребованным. Речь идет о содержательном характере и цивилизационной специфике российского социума в исторической ретроспективе. А в принципе — и о его возможностях на будущее.

Впрочем, в данной работе мы можем затронуть только некоторые значимые аспекты данной проблематики.

Прежде всего стоило бы учесть, что нередко в научных изысканиях российских исследователей нашего времени понятие «русская цивилизация» применяется, что называется, ситуативно, без основательного осмысления. Характерный случай такого рода мы обнаруживаем в массивном фолианте ученых Института Европы Российской академии наук, выпущенном в 2011 г. Уже в первой главе этого обширного труда в перечень «живых и развивающихся цивилизаций» ее автор, член-корреспондент РАН Т. Т. Тимофеев, включает и «православную (русскую)» цивилизацию [12, с. 33].

Получается, что «русская цивилизация» реально существует, а «православность» выражает лишь ее сущностные черты. Все это излагается бегло, без всякого обоснования, как будто речь идет о неких аксиомах. Такое впечатление усиливается материалами следующих глав, в одной из которых доктор культурологии Е. Ю. Сидоров, ничтоже сумняшеся, именует Константина Николаевича Леонтьева «виднейшим теоретиком русского национализма» [12, с. 520]. Вероятно, автор «не в курсе» полемики К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева, да и других немаловажных аспектов наследия Леонтьева.

Конечно, в публикациях наших дней имеются и более определенные утверждения о сущности и конкретных проявлениях «русской цивилизации». В этом смысле обращают на себя внимание работы известного историка А. И. Фурсова, в которых доказывается, что «Россия — имманентно внекапиталистическая, а следовательно, антикапиталистическая система». Причем «апогеем развития русской цивилизации» является Советский Союз в расцвете своего могущества. И в этом как раз и состоит «Великая Тайна (военная и мирная) советизма/сталинизма» [13, с. 4].

Понятное дело, такие соображения из полемической статьи могут считаться неподходящими для использования в научной дискуссии. Однако в данном случае мы видим лишь резкую формулировку той точки зрения, которая достаточно часто высказывается, причем не только А. И. Фурсовым.

Можно вспомнить, в частности, труды таких известных и уважаемых ученых, как Б. С. Ерасов и А. С. Панарин. Еще в 90-х гг. XX столетия они подчеркивали цивилизационные особенности России, в том числе и тогда, когда обсуждению подвергался советский период ее существования.

В частности, А. С. Панарин отмечал, что русская культура жила и живет под знаком идеи «России как особого типа цивилизации, формирующейся в едином евразийском пространстве». Причем русской культурой Серебряно-

го века была сделана попытка «выдвинуть российскую цивилизационную альтернативу западным принципам жизнеустройства, породившим крайне жесткие промышленные и политические технологии, а потому ставшие опасными для человечества» [11, с. 46, 55].

Со своей стороны Б. С. Ерасов выделял, по крайней мере, два очень существенных аспекта цивилизационного своеобразия России. Первый связан с тем, что в России «на протяжении многих веков была огромная роль государства, основанного на принципе державности, которое в значительной степени замещало собственно цивилизационные основы регуляции, не получившие в России системного формирования». Второй имел отношение уже к советской эпохе: Советская Россия отнюдь не сводилась к «тоталитарной госпартсистеме». Она была еще и «становящейся цивилизацией нового типа» [2, с. 89, 101].

Заметим, что размышления А. С. Панарина и Б. С. Ерасова полуторадесятилетней давности, хотя и достаточно близко сходятся в сравнительно высокой оценке советского этапа цивилизационного развития России, все-таки подчеркивают не «русский», а российский, и даже евразийский, формат отечественной цивилизации. Мало того, и Ерасов, и Панарин отмечали, что самостоятельная цивилизация в России так и не сформировалась в досоветскую эпоху, поэтому ее становление осуществлялось такой «реальной исторической силой», как коммунизм, — «при всех его издержках и губительных крайностях» [2, с. 100].

Однако для действительно полноценного научного обсуждения проблематики «русской цивилизации» нельзя обойтись и без обращения к опыту осмысления исторического пути России в отечественной общественной мысли, особенно XIX столетия, поскольку именно тогда появилась концепция «культурно-исторических типов» Николая Яковлевича Данилевского, что стимулировало и других представителей российской общественной мысли той эпохи к обсуждению цивилизационной тематики.

Интересно, что уже сам Данилевский наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал и термин «цивилизация», при том что для Данилевского «цивилизация» есть завершающий этап развития «культурно-исторического типа». И в этом смысле, как отмечал Николай Яковлевич, «Европа есть поприще германо-романской цивилизации <...> или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация» [1, с. 58]. Как известно, Данилевский предвидел возможность появления «особой славянской цивилизации», главная роль в созидании которой должна будет принадлежать России — «единственной независимой представительнице» славянского мира [1, с. 479—480]. Но, согласно соображениям Данилевского, это только возможность. Или славянство образует «один из самобытных культурных типов всемирной истории», или же «ему предназначено второстепенное значение вассального племени, незавидная роль этнографического материала...» [1, с. 328].

В сущности, Данилевский только обозначил возможность появления «славянской цивилизации» во главе с Россией. Более основательно разработали эту проблематику российские мыслители последней трети XIX — начала XX в. И здесь первым стоит назвать Константина Николаевича Леонтьева.

Однако в своем истолковании проблем культуры и цивилизации Леонтьев вовсе не претендовал быть «одиноким мыслителем», как подчас любили именовать этого «оригинального», «необычного», и «странного» человека. В

письмах своим современникам Константин Николаевич без всякого кокетства охотно признает свою включенность в общий процесс развития русской общественной мысли и прямо называет как своих предшественников, так и современников, повлиявших на его формирование и развитие, в том числе и в понимании культуры. К их числу Леонтьев относит славянофилов, Н. Я. Данилевского, А. И. Герцена, М. Н. Каткова, Вл. С. Соловьева.

В частности, в «Письмах к Владимиру Сергеевичу Соловьеву» (1890 г.) Леонтьев прямо именует себя «учеником» Хомякова и «единомышленником» Данилевского [9, с. 384]. В известном письме к священнику Иосифу Фуделю от 6 июля 1888 г. Константин Николаевич более подробно говорит о заслугах своих предшественников и современников: Данилевский дал новую научную гипотезу о смене культурных типов, Герцен справедливо критиковал современный ему Запад, Катков отступил от своих прежних либеральных убеждений и выступил в защиту сословий в России, мистицизм Соловьева более глубок и возвышен в сравнении с убеждениями современников [4, с. 260—264]. Почти то же самое, но в более обобщенном виде Леонтьев излагает в письме от 3 мая 1890 г. к А. А. Александрову. Но тут он сразу добавляет нечто и о своем вкладе в понимание культурно-исторических типов: «...про Данилевского можно сказать, что он сделал великий шаг — указанием на эти культурные типы. Можно ведь и так его теорию обернуть: существование разных культурных типов есть признак жизненности человечества, невозможность создать новый, смешение всех типов в один средний есть признак приближения человечества к смерти. Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне же гипотеза вторичного и предсмертного смешения» [4, с. 289].

Здесь Леонтьев упоминает о своей теории развития культуры от первоначальной простоты к «цветущей сложности» и затем к вторичному смесительному упрощению, что означает уже смерть самого общественного организма. Этой теме Леонтьева отведены VI и VII главы его труда «Византизм и славянство». Но не менее существенно, что Константин Николаевич отнюдь не удовлетворялся выдвижением собственной новой теории развития человеческих обществ.

Еще более важным для него были практические последствия данной теории для России. И здесь впечатления и оценки Леонтьева постоянно менялись. Наблюдатели издаലെка описывали это как превращение Леонтьева в «разочарованного славянофила» (С. Н. Трубецкой и другие).

Однако такого рода оценки являются и неполными содержательно, и существенно неточными. Сам К. Н. Леонтьев излагал собственное видение судьбы России и более ясно, и вместе с тем проявлял ответственную сдержанность. Для него важными были практические последствия данной теории для России. И вот тут впечатления и оценки К. Н. Леонтьева претерпели несомненную и весьма показательную эволюцию.

Одно из наиболее исчерпывающих объяснений на этот счет мы находим в его письме к княгине Е. А. Гагариной 24 апреля 1889 г.: «Что мы такое: действительно ли мы новый культурный мир, как думал Данилевский, орудие ли примирения Церквей без всякой особой гражданской оригинальности, как желает и надеется Влад. Соловьев, или, наконец, мы таим в загадочных недрах нашей великой отчизны зародыш самого ужасного отрицания и цинизма (иногда, увы, думается, признаюсь и так!) задатки самого гнусного и кровавого хамства (равенства то есть); во всяком случае, наше призвание, ог-

ромное и грандиозное, еще далеко не исполнено, и потому “горе тому, кто станет на дороге, этому не нами, а свыше предначертанному стремлению”» [4, с. 275].

Заметим, что в этом небольшом фрагменте Константин Николаевич изложил весьма многое. Он сжато охарактеризовал подходы своих современников-соотечественников, выразив к ним свое отношение. Кроме того, он представил еще одну альтернативу дальнейшего развития России, которая, увы, и стала реальностью в XX столетии. Между тем Леонтьев учитывал вариативность (неоднозначность) дальнейших изменений и, что очень важно, отдавал должное Промыслу Божию, забывая о котором было свойственно отнюдь не только большинству ученых того времени.

При всем том Леонтьев в конце своего письма к княгине Гагариной опять возвращается к мысли о наиболее благоприятном варианте развития России, какое он мог предполагать тогда, в эпоху правления императора Александра III: «Графу Дмитр. Андр. Толстому относительно сословных его реформ продолжаю горячо сочувствовать и очень рад, что он берет верх. Прочно ли все это только? Дворянство наше ужасно легкомысленно, и русских настоящих в его среде очень мало. Я думаю все-таки, если новая сословность у нас утвердится хоть на 100 лет, то прав до известной степени Данилевский: будет своя цивилизация» [4, с. 276].

Надо подчеркнуть, что такая возможность Леонтьевым обосновывалась и ранее. В 1882—1883 гг. он смог свои соображения даже напечатать в газете «Гражданин» (публикация называлась «Письма о восточных делах»). Зная эти письма, можно уверенно утверждать, что упомянутая Константином Николаевичем «своя цивилизация» не должна была быть чисто «русской». У него речь шла об «оригинальной славяно-азиатской цивилизации» на основе «Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре», что, помимо прочего, предполагало взятие Россией «Царьграда», т. е. Стамбула, — столицы Османской империи (см.: [7, с. 279, 280, 282]).

Очень показательно, какое обоснование Леонтьев давал этой, для многих своих современников, неожиданной идее. «Раз вековой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, — новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а главное — необходим новый центр, новая культурная столица», — писал Константин Леонтьев в «Письмах о восточных делах» [7, с. 281].

Такую перспективу развития России Леонтьев обосновывал вплоть до конца 80-х гг. как возможную и наиболее благоприятную. Но в письмах Константина Николаевича 1890—1891 гг. мы видим несколько иные настроения. Леонтьев приходит к выводу, что «не выйдет» той «новой славянской культуры, в которую верил Данилевский». И сам объясняет главную причину: «...хамства у нас слишком много» [8, с. 163]. Хотя дело не только в новейшем «хамстве», но и в славянах как таковых, духовные и культурные качества которых Леонтьев, как известно, ставил весьма невысоко. Впрочем, приведем наиболее существенное объяснение на этот счет самого Константина Николаевича из письма священнику Иосифу Фуделю 19—31 января 1891 г.: «И если даже допустить, что Романо-германский тип, несомненно разлагаясь, уже не может в нынешнем состоянии удовлетворить все человечество, то из этого вовсе еще не следует, что мы, славяне, в течение 1000 лет не про-

явившие ни тени творчества, вдруг теперь под старость дадим полнейший 4-основный культурный тип, как мечтает и даже верит Данилевский» [4, с. 312].

В этой связи стоило бы опять вернуться к уже упомянутой нами трактовке наследия Леонтьева, согласно которой Константин Николаевич оказывается не только «разочарованным славянофилом», но еще и «мучеником красоты», насильно подчиняющим свои предпочтения «христианскому пессимизму». Другие же истолкователи наследия Леонтьева считают, что в любом случае у Леонтьева доминирует эстетизм. В очень резкой форме подобную трактовку дал самый известный биограф Леонтьева, видный исследователь Русского Зарубежья Юрий Павлович Иваск. По его выражению «весь Леонтьев в трех словах: ничего, кроме красоты! Или же все есть только красота!». И далее Иваск поясняет, какова красота у Леонтьева: «Леонтьевская красота губит и плоть, и душу. У Леонтьева (или у Мити Карамазова и у его возможного прототипа Аполлона Григорьева) идеал содомский иногда совмещается с идеалом Мадонны. Он это знал и незадолго до смерти в письме и Розанову принудил было себя отречься от эстетики. Но и после этого, до самого конца он оставался все тем же “хищным эстетом”» [3].

В этом суждении Ю. П. Иваска опять налицо стремление «обстругать» наследие К. Н. Леонтьева по своим вкусам и разумению. Но получается неубедительно и по существу, и по конкретике творческой биографии Константина Николаевича.

Напомним о конкретных обстоятельствах жизни и творчества К. Н. Леонтьева и историческом контексте его высказываний. Действительно, в письме В. В. Розанову 13—14 августа 1891 г. Константин Николаевич вроде бы «умалял» эстетику жизни в пользу христианства: «Что же делать? Христианству мы должны помогать даже и в ущерб любимой нами эстетике. Из трансцендентного эгоизма, по страху загробного суда, для спасения наших собственных душ, но прогрессу мы должны, где можем, противиться, ибо он одинаково вредит и Христианству, и эстетике...» [5, с. 586]. Это письмо нередко цитируется в исследовательской литературе, но зачастую без учета двух весьма значимых обстоятельств.

Первое — письмо было лишь одним из целого ряда писем к Василию Васильевичу Розанову. Это было сказано лично ему. И надо отметить, что Константин Николаевич имел резоны подчеркнуть значение страха Божия именно в диалоге с этим человеком, которому памятования о загробном суде очень не хватало всю его жизнь. Второе — письмо написано за две недели до монашеского пострига самого Леонтьева, что тоже отражается на стиле и формулировках автора, делая их еще более сдержанными *sub specie aeternitatis*.

Между тем есть другой леонтьевский документ, в котором та же тематика изложена куда более объемно и основательно. Но он гораздо реже упоминается исследователями. Мы имеем в виду книгу К. Леонтьева «Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной пустыни» (впервые напечатана в «Русском вестнике» в 1879 г., вышла при жизни автора отдельными изданиями еще дважды — в 1880 и 1882 гг.).

В этой работе Константин Леонтьев весьма рельефно изобразил свои диалоги с отцом Климентом, включая споры и разногласия по ряду вопросов. В частности, Леонтьев упоминал о высказывающихся им симпатиях к римскому католицизму в его борьбе с западными либералами, об интересе к

исламу и о других своих спорных или неприемлемых для отца Климента суждениях. Причем Константин Николаевич приводил и доводы в пользу следующих своих предпочтений: «Я никак не могу забыть ту исполинскую культурную борьбу ясного и выработанного старого с неопределенным и неясным новым, которая ведется теперь по всему земному шару» [6].

Но в книге приводятся и возражения Леонтьеву отца Климента (Зедергольма), который предостерегал своего собеседника: «Я понимаю, что это очень полезно для начала уважать всякую религию, даже буддизм, и предпочитать всякое исповедание пустоте мнимого прогресса. Да, для начала обращения... Но останавливаться на этом нельзя... Надо идти дальше и чувствовать духовное омерзение ко всему, что не Православие». Леонтьев приводит в книге и еще одно, очень характерное и существенное предупреждение в свой адрес «православного немца» иеромонаха Климента: «Враг пользуется всеми нашими наклонностями, всеми слабостями... и вот ваша любовь к поэзии, которой, конечно, много в неправильных религиях, даже в язычестве... она вредит вам в этом случае. Дьявол знает, чем каждого из нас взять...» [6].

Самое, пожалуй, впечатляющее для нашей темы в этом сочинении К. Н. Леонтьева — это его резюме всех диалогов об истории и культуре с отцом Климентом: «Он не исправил меня, сознаюсь — я все тот же. Я не умею упростить себя, как он упростил себя умственно. Может быть, мы оба правы... Он был монах — я мирянин» [6]. Впрочем, Константин Николаевич вспоминал усилия своего собеседника с благодарностью: «Подобными беседами он заставлял меня нередко рассматривать предметы веры и жизни с новых сторон и привлекал мое внимание на то, на что оно еще ни разу не обращалось... Этим он сделал мне много добра» [6].

Остается добавить, что текст Леонтьева об отце Клименте (Зедергольме) благословил печатать известный оптинский подвижник и духовник Константина Николаевича Леонтьева старец Амвросий. И надо полагать, что ни он, ни единомысленные ему оптинцы ничуть не мешали Леонтьеву изучать проблемы культуры или, как мы бы сказали сейчас, цивилизационные проблемы, и даже настаивать на своем мирском видении и мировой истории, и судьбы России. Так что мы не находим никаких оснований для рассуждений о какой-то «трагедии» подавления Леонтьевым своих культурных предпочтений в угоду христианскому аскетизму.

Что же действительно является трагедией, так это недооценка, а то и прямое пренебрежение проблемами культуры, как в широком смысле, так и в более узких ее аспектах, что стало уже устойчивой тенденцией в общественной жизни и государственной политике в нашей стране, в том числе и в современной России. Вот почему наследие Константина Николаевича Леонтьева сохраняет свою непреходящую ценность и требует к себе еще большего внимания не только узких специалистов, но и всех тех, кто готов внести реальный вклад в развитие своей Родины и защиту ее культурного наследия.

Итак, изыскания Константина Николаевича Леонтьева о возможностях и перспективах развития России, в том числе и в его цивилизационном измерении, были очень оригинальны, содержательны и не потеряли своего значения до наших дней. Беда только в том, что Леонтьева очень мало знали и еще хуже понимали. И так продолжается вплоть до наших дней (когда и в солидных трудах его могут представить, например, теоретиком русского национализма).

Подведем основные итоги наших изысканий.

1. Насколько нам известно, ни Н. Я. Данилевский, ни К. Н. Леонтьев никогда не говорили и не писали о «русской цивилизации» — ни по сути, ни по форме.

2. Н. Я. Данилевский видел Россию органической частью славянского мира и считал для нее благоприятной возможностью войти в будущую славянскую цивилизацию, если таковая разовьется при подходящих условиях.

3. К. Н. Леонтьев невысоко ценил политические и культурные возможности славянских народов, но допускал вероятность образования славяно-азиатской цивилизации на основе православной традиции во главе с Россией и с обязательным политическим и духовным центром в Царьграде (Константинополе). Однако в последние годы своей жизни (в 1880—1891 гг.) Леонтьев пришел к выводу, что эта перспектива останется неосуществленной ввиду недостаточной духовной и культурной зрелости России.

4. В нынешних обсуждениях цивилизационных аспектов развития современной России было бы очень уместно избегать безответственных манипуляций с термином «русская цивилизация». Напротив, внимательное и вдумчивое отношение к ценному опыту отечественной общественной мысли XIX — начала XX в. позволило бы существенно усилить и обогатить наши исследования закономерностей и перспектив социально-политических трансформаций в современном мире и места в них России.

#### **Библиографический список**

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачева. М. : Книга, 1991. 574 с.
2. Ерасов Б. С. О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // Цивилизации и культуры : науч. альманах. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1996. Вып. 3 : Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 86—102.
3. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество. URL: [http://knleontiev.narod.ru/biography/ivask\\_part1.htm](http://knleontiev.narod.ru/biography/ivask_part1.htm) (дата обращения: 13.12.2012).
4. Избранные письма // К. Леонтьев, наш современник / сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. С. 227—318.
5. Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб. : Пушкинский фонд, 1993. 660 с.
6. Леонтьев К. Н. Отец Климент (Зедеггольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/zederholm.htm> (дата обращения: 19.02.2013).
7. Леонтьев К. Н. Письма из Оптиной пустыни // Лит. учеба. 1996. Кн. 3. Май — июнь. С. 141—173.
8. Леонтьев К. Н. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К. Н. Избранное. М. : Рарог : Московский рабочий, 1993. С. 375—412.
9. Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К. Н. Записки отшельника / сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. М. : Русская книга, 1992. С. 231—304.
10. «Медведевы», «путины» и «юргенсы» против русской цивилизации. URL: <http://kuzbass-kprf.ru/?p=777> (дата обращения: 12.03.2012).
11. Панарин А. С. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизации и культуры : науч. альманах. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1996. Вып. 3 : Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 29—55.
12. Россия в многообразии цивилизаций / под ред. А. П. Шмелева. М. : Весь мир, 2011. 896 с.
13. Фурсов А. Десталинизация: тайные коды // Завтра. 2011. № 22. С. 8.